

Иван Беляев

«КОИМ ДОЗВОЛЕНО ЗАКОНОМ...»

Огнестрельное оружие в казачьих войсках

«Казачество – военное сословие, в котором числилось население ряда местностей России, пользовавшееся особыми правами и преимуществами на условиях обязательной и общей воинской повинности». Это определение дано в энциклопедии «Отечественная история с древнейших времён до 1917 г.». Там же мы найдём, что на военную службу казак являлся со своим обмундированием, снаряжением, холодным оружием и верховой лошадью. Но вот безоговорочно сказать, что у него было своё огнестрельное оружие, мы не можем.

Если говорить о наличии у казаков огнестрельного оружия, нужно отметить несколько пунктов. Во-первых, в России было далеко не одно казачье войско, и вопрос обеспечения казаков огнестрельным оружием решался в них по-разному. Например, согласно 5 разделу книги второй, части первой Свода Военных Постановлений, изданного в 1859 г., в войске Донском казаки обязывались приобретать огнестрельное оружие. В Черноморском, Кавказском-Линейном, Оренбургском и Забайкальском войсках казакам всех нижних чинов (нижних строевых чинов) от Артиллерийского ведомства было отпущено огнестрельное оружие, являвшееся потом казённым. В Тобольском казачьем войске огнестрельное оружие было отпущено всем казакам пешего батальона (ружья) и конного полка (пистолеты), которое тоже считалось «казённой батальонною и полковою собственностью». В Новороссийском казачьем войске «для соблюдения точного единообразия в форме одежды и проч. войсковое правление снабжается единожды от военного министерства на счёт казны». Можно предположить, что в определении «и проч.» входило и огнестрельное оружие. Лейб-гвардии Крымско-Татарский эскадрон вооружался и ремонтировался на средства от земских сборов с татарских поселенцев. В Уральском и Сибирском линейном казачьих войсках казакам лишь определялось, что «состоя на службе или являясь к начальству, обязаны иметь обмундирование, вооружение и конскую принадлежность непременно по утверждённым образцам и описаниям»; о том, чьим (казённым или своим) оружием должны быть вооружены казаки, не упоминалось, но, видимо, подразумевалось, что своим. В Амурском казачьем войске, которое было образовано в 1859 г., «обмундирование и вооружение войсковые чины должны иметь собственное, но, дабы облегчить их в приобретении оружия на первый раз», от Артиллерийского ведомства были отпущены ружья на штатное число чинов.

Во-вторых, различия были не только по войскам, но могли быть и в каком-либо одном войске в разные периоды времени, как, например, в Войске Донском. В мае 1835 г. Высочайше утверждается «Положение об управлении Донского Войска», согласно четвёртой главе второй части которого для «54 х Донских полков надлежало за счёт военного капитала заготовить 10800 таких ружей», которые потом составляли войсковую собственность и хранились в военных округах. «...Заготовление сих ружей» должно было быть произведено в течение 10 лет «посредством заказа на казённых оружейных заводах, ... частным образом у оружейников, которые могут готовить их в праздничные дни и другое свободное от казённых работ время под наблюдением командиров завода».

По мере поступления оружия предписывалось «рассылать оное в Окружные дежурства по соображению своему о количестве казаков, выходящих на службу по каждому округу», а при получении всего заказа распределять их (ружья) «в Окружные дежурства по равной части».

При формировании полков, командимуемых на полевую службу, на «окружном сборном месте» им отпускалось определённое число ружей, которые должны были

распределяться окружными генералами таким образом, «чтобы получали оныя преимущественно казаки, умеющие искусно стрелять».

Параграфами главы 2 «О мундире, вооружении и конской принадлежности» определялось, что в каждом Донском полку «полагается 200 казаков с ружьями», а «у кого нет ружья, тому полагается пара пистолетов; а кто имеет ружьё, тот может служить с одним пистолетом, если иметь двух сам не пожелает». И ещё, двумя пистолетами вооружались (сверх холодного оружия, естественно) урядники и казаки, находящиеся в конно-артиллерийских батареях.

На основании отзывов полковых командиров окружными дежурствами велись «именные списки, кому из казаков выданы были ружья при выходе с полками и как содержались ими оныя во время службы», которые затем служили «к соображению в том, кому из казаков с большею пользою могут быть раздаваемы ружья» при следующих походах полков.

Ответственность за целостность и исправное содержание оружия в цейхгаузах перед Войсковым дежурством несли окружные генералы, а в войсках – полковые командиры и сотенные начальники. «Как отпуск ружей в полки, так и возвращение оных в окружные цейхгаузы» производился «по описям и с надлежащими расписками».

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО:

пшие батальоны и конные полки, 21 октября 1867.

В цейхгаузы ружья сдавались по возвращении «полков на Дон... под надзором полковых командиров». При сдаче ружей в цейхгаузы Окружные дежурства должны были немедленно их осматривать. В случае повреждения ружей, полковых командиров и сотенных начальников могли подвергнуть денежному взысканию, если эти повреждения по Высочайше утверждённой 22.11.1819 г. ведомости не положено было принимать «за счёт казны».

В параграфе 234 особо отмечалось, чтобы при «обзрении военных округов» Войсковым Наказным Атаманом и начальником штаба Войска Донского обращалось особое внимание на исправное содержание ружей.

Что касается пистолетов, то о них лишь упоминается, что они полагаются тому, у кого нет ружья. А о том, за чей счёт они приобретаются, в течение какого времени и где хранятся, как учитываются и т. д. – ни слова.

Но вот уже в Своде Военных Постановлений 1859 г. мы читаем: «Снабжение Донских полков винтовками нового образца производить последовательно при выступлении полков на полевую службу и по мере доставки винтовок; приобретение же их сделать для казаков обязательным».

Чтобы это не было обременительным, был установлен следующий порядок: «казачьи винтовки по мере приобретения их войском продавать преимущественно тем казакам (при выкомандировании их на службу – *прим. автора*), которые вовсе не будут иметь ружей, и тем, у коих ружья найдутся неисправные, казакам же, имеющим ружья хорошего качества, предоставлять покупать в войске винтовки только тогда, когда будут снаряжены ими казаки первых двух разрядов». Оружие приобреталось за счёт военного капитала «у иностранных мастеров и наших оружейников», которые по произведённой в военном министерстве конкуренции «предлагали наивыгоднейшие во всех отношениях цены и кондиции». По соображению наказного атамана с Войсковым Дежурством купленные винтовки распределялись по Военным округам в цейхгаузы (Новочеркасск, Алексеевск, Усть-Медведск и Нижний Чирск), где их казаки и приобретали. Ответственность за «целостность и исправное содержание» непроданных винтовок, хранящихся в цейхгаузах, несли окружные генералы, которые помимо этого вели специальные книги, в которых отмечали, «коим проданы винтовки, с объяснением за наличные деньги или в долг». Каждый месяц окружные генералы предоставляли в Войсковые Дежурства выписки из этих книг. Вместе с этим у казаков была возможность приобретать оружие у вольных продавцов, «если только сии последние получают от войскового начальства свидетельство на продажу ими в войске винтовок, для чего продавцы, не приступая к продаже винтовок, обязаны предоставлять их на предварительное рассмотрение войскового начальства, а оно выдаёт свидетельство не право продажи не иначе как по строгому испытанию и удостоверении комиссии, составленную под председательством начальника Донской Артиллерии и особо избранных и специально знающих дело Донских артиллерийских офицеров, что привезённые продавцом винтовки совершенно сходны с Высочайше утверждённым образцом казачьей винтовки в форме, калибре, качестве и во всех других частях и вполне соответствуют служебным требованиям».

Правда, этой возможности (приобретать оружие у вольных продавцов) никоим образом не способствовала «обязанность приобретать винтовки преимущественно от войска».

С чем связаны кардинальные отличия статей Свода Военных Постановлений 1859 г. от «Положения об Управлении Донского Войска» 1835 г. пока мы можем только догадываться. То ли государству это было выгодно экономически – переложить финансовое бремя на других; то ли по каким-то политическим причинам, например, из-за нежелания войсковых начальников нести ответственность за «целость огнестрельного оружия».

Но нас больше интересует вопрос владения и использования казаками огнестрельного оружия в гражданской жизни, нежели в военных походах. По изученным нами документам можно однозначно утверждать, что до начала XX века казаки могли свободно приобретать огнестрельное оружие, причём за 2/3 его стоимости. В Войске Донском такой порядок существовал с 1857 г., а во всех остальных казачьих войсках, кроме Уральского, был установлен в марте 1866 г. В Уральском же казачьем

войске, в котором «служба отбывается не при одинаковом с другими казачьими войсками условиях», казаки должны были приобретать винтовки «за полную их стоимость с доставкой в Уральск». Для этих целей Войсковым Дежурствам (Правлениям) вменялось в обязанность утверждать войсковые магазины, где чиновники и казаки могли приобрести «вооружение и наряд по их образцам» за умеренные цены. Но не все себе могли это позволить. В Забайкальском казачьем войске казак, признанный приговором станичного общества «самобеднейшим», мог с разрешения Генерал-Губернатора получить огнестрельное оружие в виде пособия. А у казака, признанного «беднейшим», была возможность с разрешения Наказного Атамана приобрести огнестрельное оружие в долг. Такая же возможность была у казаков Войска Донского (см. выше).

Обобщая всё вышеизложенное, можно говорить, что казаки, имевшие служебное (назовём его так) оружие, могли использовать его и вне службы, при этом никто не запрещал им приобретать охотничье или какое-либо другое продававшееся оружие. Если же для службы у казака не было личного оружия и при выходе на неё он получал казённое, то для собственных надобностей оружие ему приходилось приобретать; а если не было такой возможности, одалживать у соседей или, скорее всего, с разрешения или молчаливого согласия начальства пользоваться войсковым. Основанием так считать служат правила «О порядке приобретения, хранения и употребления ручного огнестрельного оружия и патронов для надобностей казачьего населения Кубанской и Тёрской областей», в которых само название и пункт, разрешающий «позаимствование», наводит на мысль, что в правилах была юридически оформлена уже существующая практика. Правила были разработаны Военным Советом и Высочайше утверждены во второй половине 1904 г. Руководствуясь ими, войсковые начальства Кубанских и Тёрских казачьих войск могли за деньги приобретать из артиллерийских складов Кавказского военного округа винтовки Бердана и револьвера Смит-Вессона и патроны к ним по ценам, объявленным в циркулярах Главного Штаба 1897 г. № 172, 304, 1899 г. – № 143 для вооружения казаков в станицах во время отбывания ими караульной службы, сопровождения арестантов из пункта в пункт, для защиты имущества от хищнических нападений горцев.

Для приобретения оружия, которое потом составляло войсковую собственность Кубанского и Тёрского казачьих войск, войсковыми начальствами направлялись требования в Главное Артиллерийское Управление, «которое удовлетворяло таковые лишь по осуждению их в соответствии с наличием артиллерийских складов». Оружие распределялось по станицам по усмотрению наказных атаманов. Учёт выданного оружия в станицах вёлся войсковыми штабами названных казачьих войск. В станицах оружие хранилось при станичных или хуторских правлениях «под наблюдением станичных или хуторских атаманов, ответственных за исправное содержание и правильное пользование сим оружием и патронами». Станичными и хуторскими атаманами вёлся список «с обозначением в нём кому и за каким номером выдано ружьё или револьвер и когда доставлено обратно в место хранения», с их разрешения происходило

«позаимствование» у одностаничников оружия казаками, не получившими его, но имеющими в нём надобность на время выездов из станиц или по другим хозяйственным надобностям. Имевшие оружие обязаны были выходить с этим оружием в случае тревоги «для преследования хищников». Казаки, получившие оружие, всецело отвечали за сбережение и совершенную его сохранность, правильность чистки и смазки (было запрещено использовать средства, не рекомендованные циркулярами Главного Штаба). Если оружие содержалось в станичных запасах, то за счёт станичных сумм. Ремонт производится в войсковых оружейных мастерских, с которыми рассчитывались через станичные правления. Ближайший надзор за должной сохранностью оружия и правильностью ухода за ним, который проводился не менее 1 раза в месяц, в станицах возлагался на станичных атаманов и станичных инструкторов, которые «должны о всяких замеченных ими неисправностях в оружии немедленно доводить до сведения наблюдающего за обучением льготных казаков офицера»: на него были возложены обязанности по общему наблюдению за оружием в станицах. «Необходимые осмотры оружия означенными офицерами производятся по распоряжению атаманов отделов не менее 2 раза в год, и о результатах осмотров офицеры каждый раз доносят атаманам отделов и уведомляют вместе с тем письменно станичных атаманов». В случае небрежного обращения с оружием оно по распоряжению станичного атамана отбиралось и передавалось другому лицу. В случае утраты оружия «Правилами» предписывалось атаману «принять самые

*Личие баталіоны ЗАБАЙКАЛЬСКАГО Казачьяго Войска
и Полки: ИРКУТСКІЙ и ЕНИСЕЙСКІЙ Казачьи полки,
21 октября 1867.*

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ и ОВЕРЪ-ОФИЦЕРЪ
Алшивъ баталіонъ Амурскаго Казачаго Войска,
 20 января 1876.

энергичные меры к выяснению истинных причин произошедшей утраты и одновременно с этим доносить атаману отдела, а сей последний принимает соответствующие меры к розыску оружия, делает распоряжение о производстве подробного полицейского дознания для выяснения, не был ли произведён умышленный сбыт оружия в частные руки», что пунктом 3 правил, «безусловно воспрещалось». В случае утраты оружия «в следствие небрежного хранения» виновный оплачивал полную его стоимость и подвергался административному взысканию – штрафу в 10 рублей или аресту и общественным работам. Если доказывалось, что оружие сбывалось с корыстной целью, то помимо вышеназванных мер виновного вне очереди командировали на службу или высылали в отдельную станицу. Утративший винтовку лишался права на получение другой. Взысканные за утраченное оружие деньги поступали в депозиты войсковых штабов Кубанских и Тёрских войск. Правилами предписывался строжайший контроль за боеприпасами, которые должны были содержаться в норме, не превышающей 54 патронов на винтовку и 20 на револьвер, и выдавались казакам не более 10 на винтовку и 6 на револьвер. За расходом боеприпасов должен был строго наблюдать станичный

атаман. Помимо требований караульной службы разрешалось расходовать боевые винтовочные и револьверные патроны 1) в перестрелках со злоумышленниками; 2) в случаях истребления хищного зверя; 3) при стрельбе во время ежегодных джигитовок, устанавливаемых в станицах распоряжением местного начальства в видах развития в казаках наездничества в связи с умением употреблять холодное и огнестрельное оружие; 4) при состязательной стрельбе в станицах, где таковая установлена в видах развития стрелкового дела.

Пополнение утраченного или пришедшего в негодность оружия производилось с разрешения наказных атаманов войсковыми штабами из общевоинского запаса на основании сведений, получаемых от атаманов отделов к 15 декабря, в которых сообщалось о состоянии оружия, количестве исправного и утраченного, пояснения о распоряжениях, сделанных к розыску, взысканию денег и ответственности, подвергнутой виновного. Новые требования можно было подавать в ГАУ не ранее, как по истощении первоначально отпущенных предметов.

Итак, как следует из правил, которые состояли из 24 пунктов, для служебных, хозяйственных, охотничьих надобностей терскими и кубанскими казаками использовалось оружие, являвшееся собственностью казачьих войск, что, как нам кажется, было вполне удобно для казаков и устраивало государство, которое в конце XIX – начале XX веков начинает придавать особое значение вопросу контроля за огнестрельным оружием и его оборотом.

В 1909 г. появляются похожие, в принципе, правила о порядке приобретения ручного огнестрельного оружия и патронов казачьим населением Сибирского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск, главной отличительной особенностью которых был собственник оружия – казак служивого или неслуживого разрядов старше 17 лет, которому разрешалось приобретать оружие для защиты от нападения злоумышленников, истребления хищных зверей, промысловой охоты, «а равно для развития среди казачьего населения стрелкового дела».

Механизм приобретения оружия был почти таким же: подавалось письменное заявление станичным (поселковым) атаманам, которые эти заявления предоставляли атаманам отделов (в Амурском и Уссурийском войсках – участковым начальникам), «а эти последние в случае неимения препятствий к их удовлетворению входят в войсковые хозяйственные правления с ходатайством...», где, приняв решение, уведомляли об этом атаманов отделов и вместе с тем делали распоряжение об отпуске оружия подлежащим станичным (поселковым) атаманам, которые «по получении сих предметов выдают их по принадлежности за наличные деньги под расписку и с отобранием от получателя подписки в известности...», что оружие нельзя (даже временно) передавать, перепродавать лицам невоинского сословия, а войскового – с разрешения подлежащих атаманов отделов (участковых начальников).

В случае утраты немедленно заявляется станичному атаману, а если оружие сбывается умышленно, то виновный подвергается штрафу в 10 рублей или аресту и общественным работам на 7 дней и лишается права на приобретение оружия указанным порядком. Получалось

оружие также из окружных артиллерийских складов по ценам, объявленным теми же циркулярами Главного Штаба, для чего войсковые начальства через Главное Управление казацких войск обращались в ГАУ с требованиями. За наличностью оружия осуществлялся «ближайший надзор» станичными атаманами, а атаманами отделов – «общее наблюдение».

В правилах 1904 г. и 1909 г. Нашли отражение происходившие в государстве изменения в контроле за оборотом огнестрельного оружия (его усиление), а также результаты работы собранной в 1899 г. при военном министре комиссии (см. выше), которая указывала, что одним из способов появления казённого оружия в частных руках является возможность «весьма лёгкого перехода оружия посредством дарения, наследования» от офицеров, которым разрешено его приобретать со складов «за весьма низкую цену».

Для казаков Войска Донского конец XIX – начало XX веков связан с появлением в 1898 г. разрешений на владение огнестрельным оружием, без которых, согласно обязательному постановлению Войсковому Наказному Атаману, «... как казакам, так и иногородним следующих прибрежных селений: Недвиговки, Синявского, Морско-Чулеского, Мержановского, Армянской Косы, Бесергеновки, Подъазова, Уряка, Кагальника, Кочевня, Головатова, Круглова, Гастомилова, Ачаковской Косы, Страшного и урочища Семибалок, береговой линии по реке Дону между этими двумя последними селениями и посада Азова» – запрещалось иметь огнестрельное оружие. Исключение было сделано для категории лиц, «ким это дозволено или предписано законом». Этим же положением огнестрельное оружие воспрещалось иметь вообще всем во время производства рыбных ловель в гирлах реки Дона. В случае нарушения постановления Войсковому Наказному Атаману было дано право подвергать виновного штрафу до 100 рублей или аресту до 1 месяца. Постановление издавалось на 5 лет. В 1903 г. высочайше утверждается новое положение комитета министров о предоставлении Войсковому Наказному Атаману Войска Донского теперь уже права о продлении срока действия постановления ещё на 5 лет. Вскоре к этому вопросу возвращаются вновь. В январе 1904 г. Правительствующему Сенату Военным министром объявляется распоряжение «О воспрещении жителям некоторых селений, расположенных в низовьях реки Дона, иметь огнестрельное оружие», в котором появляются новые пункты и уточнения. В частности, уточняется, что виновные наказываются Войсковым Наказным Атаманом на основании представлений окружных начальников Ростовского и Таганского округов или смотрителя рыбных ловель в гирлах Дона. Указывалось на исполнение взыскания «административным порядком немедленно по получении об этом предписания». Определялось, что «штрафные деньги» сдаются в «местное казначейство для причисления к случайным доходам казны». Обвиняемые в нарушении постановления «в семидневный срок после объявления им протокола» могли подать жалобы окружным начальникам. Нужно отметить последний, седьмой, параграф распоряжения, в котором говорилось о вступлении постановления в законную силу со дня его опубликования в «Донских областных ведомостях»,

поскольку подобные определения встречаются в тот период крайне редко. Из текста этого распоряжения нам сейчас, по прошествии 100 лет, к сожалению, трудно понять и чётко разграничить такие категории как 1) «... казакам, так и иногородним 2) «ким это дозволено».

Но мы склонны считать, что к первой категории относились лица, не подпадавшие под действие параграфа 3576 Свода Военных Постановлений (1859 год), то есть те, кому не полагалось иметь собственного вооружения для несения службы, например, те, кто вообще не призывался для несения службы или же служившие, но без огнестрельного оружия или с казённым огнестрельным оружием.

Причиной, побудившей Войскового Наказного Атамана Войска Донского к изданию этих обязательных постановлений, мы считаем браконьерство (незаконный лов рыбы), а точнее, возраставшую опасность при поимке браконьеров. На такую мысль нас наводят:

– приказ по военному ведомству №16 от 1898 г., которым на чинов Донской рыболовной команды распространялись правила употребления оружия, установленные «для общей полиции»; вооружались нижние чины разъездной команды при рыбных ловлях на Дону револьверами Смит-Вессона;

– статья 1518 С.У. 1909 год, 3 августа, по которой казаков, добавленных в 1874 году в штат разъездной команды при рыбных ловлях на Дону вооружали их трёхлинейными винтовками. ☞

ОВЕРЬ-ОФИЦЕРЪ и ТРУБАЧЪ
Уссурийской Казацкой Донной Сотни, 26 мая 1869.